

Музыкальные истории

Мария Берестова

Частая нота

Мария Берестова

Чистая нота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70323460

SelfPub; 2024

Аннотация

Юный ординарец принца учится играть на свирели – но почему-то принц крайне разгневан этим обстоятельством! – музыкальный рассказ, наполненный звучанием свирели- история о том, как зародилась дружба между юным принцем и купленным им в ординарцы парнишкой- троп "дружба между холодным и строгим и тёплым и светлым персонажами" – в главных ролях – Дерек и Грэхард из романа "Выбрать волю" (роман читать не требуется, рассказ полностью самостоятельный)

Мария Берестова

Чистая нота

Тонкая свистящая мелодия лёгкими повторяющимися тактами воспаряла к серым холодным тучам, словно пытаюсь развеять их своими солнечными переливами. Вкрадчивые струнные аккорды бережно поддерживали и подталкивали основную трель туда, вверх, пытаюсь прикоснуться к самому небу.

Очарованный Дерек встал, как вкопанный. Душа его рвалась вслед за трелью – в дождевое зыбкое небо, полное свободной прохлады подхватывающего мелодию ветра. Кажется, ветер и музыка сливаются воедино в этом танце звуков, и душа – душа растворяется в этом танце тоже и становится его частью.

Пронзительная щемящая нота, унесясь в высь, совсем слилась там с волнующим облака ветром и рухнула вниз первыми каплями прохладного весеннего дождя.

Дерек задрожал от восторга, во все глаза разглядывая музыканта – пожилого мужчину в пёстром расшитом золотом и хрусталём халате, который, кажется, вообще не замечал весенней обжигающей кожу мороси. Пальцы его порхали по свирели, направляя музыку, словно вплетая её в порывы ветра.

Сидящая рядом девушка – возможно, его дочь или внучка

ка, – держала в руках небольшой незнакомый Дереку струнный инструмент. Она почти не играла сама, лишь лёгкими движениями тонких пальцев, увитых коралловыми перстнями, вплетала иногда в мелодию отдельные звенящие аккорды, похожие на россыпь солнечных лучиков, вырвавшихся из облаков.

Как заколдованный, Дерек позабыл обо всём на свете, слушая и слушая и мечтая стать частью этой свободной высокой трели...

– Дерек! – вырвал его из плена фантазий сердитый суровый голос.

Вздвогнув, он обернулся: сквозь толпу к нему размашистой походкой приближался высокий немолодой уже мужчина в тёмных одеждах, привычно держащий ладонь на рукояти меча.

Это был Брайт – личный наставник боевых искусств ньонского принца Грэхарда и командир его стражи.

– Его высочество тебя потерял! – недовольно заявил Брайт, подходя, наконец, к заслушавшемуся пареньку, и хмуро глядя на него сквозь насупленные брови.

Под этим пронзительным взглядом Дерек сжался, машинально приглаживая свои светлые растрёпанные волосы; хотя мелодия всё ещё продолжала дрожать над площадью, он её уже не слышал.

– Прошу прощения, – испуганно промямлил Дерек и зашарил глазами по толпе в поисках своего господина – но тот, оказывается, уже успел куда-то уйти.

Брайт, возведя глаза к небу, не стал размениваться на объяснения, и, прихватив Дерек за плечо, подтолкнул его в нужном направлении и свободной рукой отмахнул нужный переулок.

Понятливо кивнув, Дерек припустил в этот переулок. Несущиеся вслед ему трели свирели быстро затихли, вытесненные гамом толпы, стуком инструментов, скрежетом колёс, ржанием коней – город жил своей жизнью.

Хмурый Грэхард в окружении стражи обнаружился у одной из лавочек. Он возвышался посреди улицы, как мрачная скалистая глыба: массивный, несмотря на свою юность, и казавшийся ещё больше и страшнее из-за внушительного нагрудника и кожаных наручей.

– Где тебя вечно носит! – раздражённо прокомментировал он прибытие потерявшегося ординарца.

Сердце Дерек дрогнуло, звеня обидой от несправедливости этого упрёка: вообще-то, его нигде «вечно» не носит, он вообще впервые вот так потерял господина на улице!

– В следующий раз не стану тебя ждать, так и знай! – обиженно продолжил бурчать Грэхард, тяжёлым шагом заходя в лавочку.

Дерек зашёл за ним – стража осталась снаружи, потому что не уместилась бы там с ними, – и обнаружил вокруг писчие принадлежности, свитки и книги.

Обида тут же позабылась за мощным танцующим потоком радости – Дерек мог копаться в таких местах часами! В этом пропахшем бумажной пылью и въевшимися чернилами тесном помещении прятались целые миры, лишь руку протяни!

На лице Дерек сама собой засияла ярчайшая и широчайшая улыбка; заметив её, Грэхард буркнул что-то удовлетворённое и забился в угол, уткнувшись в первый попавшийся томик. Иногда, впрочем, он чуть заметно поглядывал на своего ординарца – в такой момент усы его едва заметно вздрагивали в преддверии улыбки.

Чуть не подпрыгивающий от радости Дерек подошёл к первому стеллажу – там вперемешку лежали совершенно разномастные свитки. Одна полка была подписана – здесь располагались записи на местном языке, ниййском. Язык

этот Дерек знал весьма посредственно, поэтому, сев на корточки, закопался ниже, в неопознанные свитки, которые приходилось разворачивать, чтобы разобрать язык, на котором в них велись записи.

– Что-то конкретное ищете, господин хороший? – вскоре вывел его из восторженных поисков дружелюбный голос владельца лавочки.

Вскочив, Дерек на миг растерялся – ничего конкретного он не искал – но потом спохватился и застенчиво предположил:

– Может, есть что-то на даркийском или ньонском?

Оживившийся продавец принялся доставать и проверять разные свитки; очень быстро между ними завязалась яркая звенящая беседа, и Дерек совсем забыл о неловкости.

Из угара содержательного и интересного разговора его спустя полчаса вывел недовольный голос Грэхарда:

– Перья мне подбери, – напомнил он и задумчиво прибавил: – Ты всегда лучшие выбираешь.

Выдернутый из дали заоблачных рассуждений о даркийской ботанике Дерек пару раз растеряно моргнул, возвращаясь в реальность, и поспешил к корзинке с перьями. Выбирал он их, и впрямь, профессионально и придирчиво: доставал каждое, вертел в руке, взвешивал на ладони, проверял баланс, долго сравнивал два похожих... процесс выбора сопровождался бурной игрой мимики, ерошеньем волос, бурчанием и бухтением, и даже вскрикиваниями тогда, когда попа-

далось особенно удачное перо.

Отложив выбранную книгу на прилавок, к стуженным продавцом свиткам, которые уже понравились Дереку, Грэхард с любопытством наблюдал за этой возней с перьями и незаметно прикусывал губы в лёгкой усмешке.

Наконец, закончив с отбором, Дерек с яркой довольной улыбкой прибавил солидную кучу перьев к свиткам и книге.

Продавец, весьма обрадованный большой покупкой, не упустил возможности сделать её ещё объёмнее:

– Чернил, господа хорошие? У меня в наличие разные цвета, и даже самая модная новинка этой весны – чернила с ароматом лаванды!

Грэхард чуть не поперхнулся от такого предложения: на его взгляд, меньше всего на свете он был похож на человека, которого могут заинтересовать чернила с запахом лаванды. Дерек же, однако, аж подпрыгнул от возбуждения:

– С лавандой? – взволнованно переспросил он. – И они прям пахнут? – и восторженно захлопал ресницами, глядя на продавца как на волшебника, обещавшего показать настоящее чудо.

Польщённый таким восторгом продавец не подвёл. С таинственной улыбкой он достал из-под прилавка бумагу и, игнорируя Грэхарда, протянул её Дереку:

– Написано неделю назад, господин хороший!

Восторженный Дерек, схватив бумагу, незамедлительно её понюхал и расплылся в улыбке.

– Грэхард, они и правда пахнут! – сверкнул он распахнутыми глазами на принца. – Ты представляешь? Они пахнут! – и сунул ему образец.

Грэхард, конечно, не собирался совершать такую глупость, как нюхание всяких замызганных записок из захудалых лавочек. Дерек, однако, сунул лист почти ему под нос, поэтому тонкий и едва уловимый запах лаванды всё-таки дошёл до него.

На лице Грэхарда нарисовалось недовольное выражение человека, вынужденного со смирением принять свою судьбу.

– Заверните, – траурным голосом обратился он к продавцу, с трудом принимая факт существования вселенной, в которой он – ньонский принц и умелый воин! – вынужден покупать такую мерзость, как воняющие лавандой фиолетовые чернила.

Сияющее лицо Дерек, впрочем, отчасти примирило его с существованием такой вселенной.

«В конце концов, он действительно хорошо выбирает перья», – попытался сам себе объяснить эту уступку Грэхард.

Расплатившись и оставив свёрток покупок на продолжающего сиять всем лицом Дерек, Грэхард вышел наружу, и только там тоскливым голосом спросил:

– И на кой ляд тебе сдалась эта мерзость?..

Растерянно хлопнув ресницами, Дерек прижал к себе свёрток с покупками покрепче, будто бы опасался, что Грэхард теперь отберёт у него эти чернила, и пробурчал:

– Но они же совершенно волшебные!..

– Они мерзкие, – продолжил настаивать на своей точке зрения Грэхард, шагая по переулку в обратном направлении. – Ещё и фиолетовые!

Он признавал только один цвет чернил – чёрный – и истово ненавидел любые другие.

– Тебе не нравится – ты и не пиши! – защищаясь, буркнул Дерек, который впервые столкнулся с таким чудом, как ароматные чернила, и полагал это самой фантастической и прекрасной вещью на свете.

– Да я бы и не писал! – недовольно воскликнул Грэхард. – Но у тебя же теперь все бумаги провоняют этой дрянью!

– Почему сразу дрянью-то? – обиженно возразил Дерек и поправил: – Лавандой, вообще-то!

Грэхард встал посреди улицы, развернулся к нему и воскликнул:

– Вот именно! Лавандой! – и пояснил донельзя трагичным голосом: – Это женский запах!

Дерек растеряно моргнул.

Повёл носом, пытаясь унюхать эту самую лаванду.

Снова моргнул.

– Что? – наконец, глупо переспросил он.

– Это женский запах! – ещё более трагично повторил Грэхард.

Некоторое время Дерек пялился на него в самом искреннем недоумении, потом потряс головой и медленно, напевно

проговорил:

– Не понимаю тебя, мой принц.

Осознав, что ординарец не делит запахи на мужских и женские и искренне не осознаёт суть претензий, Грэхард тяжело вздохнул, пробормотал: «О, Небесный!» – и широким шагом отправился дальше.

Дерек засеменял следом, пытаясь осознать мысль, что в мире существует такая дурость, как приписывание весьма приятного аромата лаванды исключительно женщинам.

«И что ж, если я родился мужчиной, мне не может нравиться лаванда?» – обиженно думал он.

Аромат был и впрямь приятным, чернила – совершенно волшебными, и даже дождик уже прошёл, пока ониковырялись в лавке, так что, отбросив бурчание Грэхарда, Дерек вернулся к лучезарному настроению человека, которому очень повезло с покупками.

Обратно они шли по той же самой площади с музыкантами, и Дерек отвлёкся от своих мыслей и сбился с шага.

В этот раз пожилой музыкант играл один, а девушка, отложив свой инструмент, плясала под его мелодию.

Быстрые, журчащие, переливчатые звуки стучались о площадь как камешки, отражались от стен, множились и накидывались один на другой. Им вторил стук и шлёпанье босых пяток танцующей девушки, которая, подхваченная музыкой, лихо отплясывала, умело играя при этом клиньями широкой юбки, украшенной многочисленными блёстками, монетками

и перламутром. Вокруг неё собралась толпа зевак, привлечённая не столько музыкой, сколько мелькающими в танце ножками.

Дерек в упор не видел девушку: его снова унесло звуками, такими радостными, чистыми, яркими, словно проникающими в кровь и с толчками пульса играющими внутреннюю мелодию его сердца.

– Дерек! – снова вернул его на землю недовольный голос.

Над ним мрачно нависал сложивший руки на груди Грэхард. Из-под сдвинутых бровей сверкали мрачные тёмные глаза.

– Заслушался, мой принц! – бодро оправдался Дерек.

Сморщившись так, словно у него ныли зубы, Грэхард проворчал:

– И что ты в ней нашёл! – имея в виду музыку, и, закатив глаза, отправился дальше по своему пути.

Дерек, чуть приплясывая под бодрые весёлые мотивы, двинулся за ним.

...по площади этой он ходил потом часто, то сопровождая Грэхарда, то в одиночку. Не всякий день, но достаточно часто там сидел именно тот самый музыкант со свирелью – и Дерек, если у него имелась свободная минутка, обязательно останавливался послушать тоненький голос щемящего напева. В звуках свирели, на его вкус, было что-то чарующее – особенно в протяжных тягучих мелодиях, когда тонкая и невесомая нота, срываясь с изящной деревянной тру-

бочки с резьбой, легко воспаряла к небу. Свирель тоскливо плакала в руках своего хозяина, и Дереку слышалась в этом плаче тоска по родине, по умершим близким и по Богу – та глубокая и надрывная тоска, которую он запрятал в самую глубь своей души, не позволяя себе размышлять о ней и погружаться в неё, чтобы не сойти с ума от боли и сожалений.

Дерек был единственным в своей семье, кто выжил. Всех забрал страшный пиратский набег – отца, мать, сестрёнку, дядек и их семьи, среди которых Дерек особенно любил маленького троюродного братишку...

Дерек один выжил – чтобы стать рабом в чужой стране. Здесь ему, правда, повезло: купивший его ньонский принц был хоть и жёстким человеком, но не злым по натуре, и Дерек даже скорее чувствовал себя при нём верным помощником, а отнюдь не рабом. Он был бы даже доволен, пожалуй, своим нынешним местом, если бы не эта глубинная тоскливая боль, которую вытаскивала со дна его сердца наружу умелая свирель музыканта.

«Если бы научиться играть самому, – подумал однажды Дерек, – то я мог бы сам выразить это чувство игрой, и, наверно, оно перестало бы так меня мучить».

Мысль была очень соблазнительна – но Дерек знать не знал, где бы такую свирель раздобыть и, тем более, как научиться на ней играть. Со вторым, впрочем, он пытался разобраться, поглядывая на музыканта: как быстро и ловко он загораживал пальцами дырочки на своём инструменте, как

мягко и легко порхали эти искусные пальцы над свирелью! Дерек пытался имитировать такие касания на обычной палке – и с удивлением обнаружил, что дело, казавшееся таким лёгким вприглядку, не так-то просто, когда берёшься за него сам. А проблема ведь была не только в пальцах и невзятых аккордах! Нужно было ещё и дуть! Правильно набирать воздух, выпускать его с нужной силой! Дерек внимательно наблюдал за тем, как укутанные сетью морщинок губы музыканта плотно сжимают мундштук свирели – но так и не сумел понять, когда же он умудряется набрать свежую порцию воздуха! А в этом, должно быть, весь секрет успеха!

Ах, если бы у него была хоть самая простенькая свирель, чтобы он мог попробовать сам и разобраться в том, как это делается, на практике!

Но свирели не было, и не было денег – рабам жалование, конечно, не полагалось. Дерек считал, что ему грех жаловаться: кормили его сытно и вкусно, одежда была новой и добротной, обувь – крепкой и удобной, все вещи заменялись в срок, так ещё и Грэхард, покупая что-то себе – те же книги – мог под хорошее настроение и ему чего-то взять.

Но не бегать же за принцем с просьбою купить ему свирель?

Дерек аж покраснел и закашлялся от подобной идеи. Ему сделалось стыдно, гадко и неловко от одной только мысли, чтобы попросить о чём-то Грэхарда – тем более, о такой бессмысленной ерунде. Дерек считал, что и так обязан Грэхарду

по гроб жизни, потому что только по той причине, что принц выбрал тогда себе в ординарцы именно его, эта самая жизнь сложилась весьма неплохо.

Великолепно даже – если сравнивать с другими альтернативами, которые предлагает рабский рынок Ньюна.

Нет, докучать Грэхарду и выглядеть неблагодарным совсем не хотелось, поэтому Дерек подключил смекалку и решил смастерить для начала дудочку из подручных материалов.

Подобрав подходящий сухой полой стебелёк, он устроился однажды вечером на кухне – там был нож – и принялся ковырять в стебельке дырочки. Получилось, может, не очень красиво и ровно, но крайне похоже на то, что он видел у музыканта на площади. Проверить звук, правда, сразу не получилось: Дерек не решился опробовать свою самоделку в доме, опасаясь потревожить слуг, стражу и самого Грэхарда.

Дом, в котором ньонский принц остановился во время своего путешествия по соседней стране, был невелик, и шанс перебудить своим свистом всех был весьма высок.

Спал в ту ночь Дерек ужасно: постоянно вертелся и проверял свою самоделку, которую взял с собой в постель и спрятал у подушки. Ужасно хотелось проверить её поскорее – но утром будут многочисленные дела... может, перед обедом? Грэхард в это время тренировался с мечом, вполне возможно, что ординарец ему будет не очень нужен...

На счастье Дерека, на другой день всё сошлось удачно:

Грэхард и впрямь отправился перед обедом на задний двор в компании Брайта, не оставив никаких распоряжений.

На всякий случай чуть отойдя от дома, Дерек достал, наконец, свою дудочку, и осторожно в неё подул.

Звук получился ломкий, шершавый, с каким-то присвистыванием, – но это был звук! Нерешительный, зыбкий, дрожащими нотами рассыпающийся в воздухе и не складывающийся даже в подобие напева – но звук! Настоящий, даже отдалённо похожий на то чудо, которое выходило из-под пальцев музыканта!

Ободрённый неожиданной удачей Дерек тут же принялся экспериментировать, пытаясь повторить то, что подсмотрел, и с восторгом заметил, что у него выходит что-то пусть весьма отдалённо, но похожее! А значит – есть шанс отточить этот навык и научиться!

Таким счастливым он не чувствовал себя уже давно – и, воодушевлённый, принялся тренироваться в свободное время с упоением и упорством. Да, на его самоделке совершенно не получался тот лёгкий, чистый, свободный звук, который каждой нотой воспарял к небесам – но этот шершавый, грязноватый по звучанию свист вполне соответствовал чувствам Дерекса, которые так же шершаво и болезненно свербели внутри его сердца. И он, в самом деле, находил успокоение в том, чтобы выражать свою тоску этими хриплыми мелодиями.

Однако, нужен, всё же, особый талант, чтобы суметь скрыть дело, которому отдаёшься с таким самозабвением. В попытках выкроить побольше минут на свои занятия Дерек совсем забыл об осторожности – и однажды попался. Грэхард закончил тренировку чуть раньше ожидаемого – или, возможно, Дерек за своим занятием пропустил нужное время, – и отправился сам разыскивать куда-то запропастившегося ординарца.

Поиски были недолгими, потому что Дерек отходил недалеко, а по звукам найти его было элементарно.

С минуты Грэхард просто стоял, тупо наблюдая увлечёвшегося свистуна. Шершавая неумелая мелодия, полная неуместных пауз – Дерек так и не научился правильно брать дыхание – таила, однако, в себе некое очарование. Тоскливыми нотами возносясь вверх сквозь шорох лишних свистов и нот, нагромождённых друг на друга из-за неумелости музыканта и несовершенства его инструмента, мелодия эта всё же трогала своей исповедальной искренностью, складываясь в балладу из горечи и печали: Дерек компенсировал отсутствие умения тем, что вкладывал в игру всё своё чувство.

Закончив очередной хриплый напев, состоявший лишь из нескольких тоскливых нот, он, наконец, отложил свою дудочку и припомнил, что ему нужно бы уже идти – однако, обернувшись, споткнулся взглядом о тёмную и мрачную фигуру Грэхарда.

Из-за объёмного плаща тот казался особенно громоздким и большим; мрачно сведённые густые чёрные брови и блестящий гневом взгляд довершали весьма грозную картину.

Дерек сглотнул, осознав, что у него неприятности, хотя он и не мог понять, почему неприятности оказались настолько очевидно масштабными. Неужто принц действительно так разгневался, что не нашёл ординарца на месте? Да, должно быть, это был серьёзный проступок, вполне заслуживающий такого гнева...

Дереку стало горько и досадно: он злился на себя за то, что забылся и упустил время, и вызвал своей небрежностью гнев своего господина.

Ни слова не сказав, Грэхард в несколько быстрых шагов – Дерек инстинктивно отшатнулся, но куда там! – подлетел к нему, вырвал у него из рук дудочку, бросил на землю и со всей дури наступил. Тростниковая самоделка, конечно, не выдержала такого испытания и рассыпалась под его ногой в труху.

Пронзив напоследок Дереку взглядом болезненно-острым, бледный Грэхард резко развернулся и унёсся в дом – лишь плащ взвился полами ему вслед.

Не дождавшийся ни выговора, ни наказания Дерек растерянно хлопал глазами, не понимая, нужно ли ему идти следом – или, наоборот, он этим только нарвётся на дополнительный гнев.

Так ничего и не решив, он опустил глаза, глядя на рассы-

павшуюся на кусочки дудочку.

Инструмент был простеньким и слабым, но Дерек успел к нему привязаться, срастись с ним сердцем – он доверял этой хиленькой трубочке все свои сокровенные чувства, и поэтому теперь ему было больно видеть её такой.

Встав на одно колено, он аккуратно собрал самые большие кусочки.

На глаза навернулись слёзы – даже не столько из-за того, что он влип в неприятности, и было ещё неясно, чем ему грозит гнев его господина, сколько из-за этой тоски по погибшей подруге. Пусть несовершенной, пусть хриплой и отчаянно фальшивящей, – но подруге.

Он не успел её всерьёз оплакать – над головой раздалось серьёзное и глухое:

– Пойдём-ка, парень.

Дерек вскинул глаза: над ним стоял почему-то не ушедший за Грэхардом Брайт.

Вскочив, Дерек нервно поёжился, ожидая самого дурного.

Брайт, видимо, разгадал его мысли – это было несложно, потому что Дерек совсем не умел скрывать своих чувств, и его страх читался с его лица вполне отчётливо, – и ворчливо пояснил:

– Да не собирается тебя никто наказывать. – И добавил: – Разговор есть.

Зажав в кулаке один подобранный осколок дудочки, Дерек кивнул и пошёл вслед за Брайтом.

Тот привёл его в свою комнату – ему как командиру и наставнику принца полагалась своя, пусть и небольшая, но отдельная.

Усадив Дерек на единственный стул и сам усевшись на кровать, Брайт, однако, не спешил начать разговор, мрачно глядя куда-то в окно. Дерек украдкой понаблюдал, как хмурится его выразительное лицо, на котором первые морщины нарисовали рельефный и мужественный узор. Брайт всегда его пугал – своей строгой манерой, суровостью и нетерпением к малейшей небрежности со стороны своих подчинённых, – но и вызывал восхищение своим боевым мастерством и мудростью.

Меж тем, собравшись, наконец, с мыслями, Брайт заговорил:

– У его высочества до тебя ординарцем года три был один славный марианский парнишка, – Дерек удивился тому тёплому оттенку, который в этот момент прозвучал в голосе сурового воина. – Хороший парень, старательный, и верный очень, – Брайт пожевал губами, глядя не то в окно, не то в свои воспоминания. – И на свирели играл прекрасно.

Дерек не совсем понял, к чему это вступление: неужто прошлый ординарец задал такие стандарты игры на свирели, что Грэхарда так оскорбила его дилетантские попытки что-то насвистеть?

Недоумение его, впрочем, скоро разрешилось, потому что Брайт сухо заключил:

– Он так тогда и не закончил мелодию. Поймал спиной стрелу, предназначенную его высочеству.

Дерек нервно сглотнул: он как-то не подумал, что служба ньонскому принцу может быть такой опасной, и его предшественник кончил весьма трагично, а не просто продвинулся по службе на чин повыше.

Брайт встал, заложил руки за спину и подошёл к окну. По выражению скорби в его позе, лице и голосе Дерек понял, что прошлый ординарец был дорог и ему.

– Его высочество очень близко к сердцу принял тот случай, – глухо сообщил Брайт и пояснил: – Умирать самому куда легче, чем принимать то, что другие расплачиваются своей жизнью, чтобы жил ты.

Он говорил как человек, которого это касается лично, и Дерек подумал, что, видимо, и ему приходилось терять людей, которые умерли вместо него, и что, должно быть, в самом деле проще самому сто раз умереть.

– Это я предложил его высочеству на это место раба купить, – продолжил, меж тем, Брайт, поворачиваясь к Дереку, – мол, не так жалко будет, если что.

Глухая боль заставила Дерекана опустить глаза. Сердце его треснуло в этот момент, как та дудочка под ногами Грэхарда. Он отчаянно сжал в кулаке осколок своей подруги, пытаясь отвлечься на эту простую боль.

«Конечно, – сердито пояснил он сам себе, – людей не для того превращают в вещи, чтобы потом о них жалеть».

Довод был справедливый, но ужасно обидный.

Поразглядывая поникшего Дерекка, Брайт сухо отметил:
– Никогда в жизни так не ошибался.

Уголок рта Дерекка дёрнулся в несвойственной ему усмешке. От горечи и обиды ему хотелось сказать что-то резкое – что-то про то, что не так уж он дорого Грэхарду обошёлся, и прекрасно тот купит на его место кого угодно другого, – но он не осмелился.

– Ты стал дорог его высочеству, – вывел его из болезненных мыслей серьёзный и глубокий голос Брайта.

Дерек вскинул на него удивлённые глаза.

Он ожидал чего угодно, но не такого странного вывода.

С чего бы ему быть кому-то дорогим? Брайт сам же только что и сказал, что его потому и купили, что раба не жалко будет!

Его ошеломлённое недоумение легко читалось и с его открытого распахнутого взгляда, и с выражения искреннего подвижного лица. Брайт усмехнулся и поддел:

– Ты что же, даже не заметил, что ты единственный человек, которому его высочество позволил обращаться к нему неформально?

Дерек заморгал часто, беспомощно и растерянно.

Он никогда об этом не задумывался.

Он сперва не очень-то хорошо говорил по-ньонски, и принц, в самом деле, поправлял чуть ли ни каждую его фразу – а он только старательно запоминал и заучивал, никогда

не переспрашивая и стараясь столь прилежно, чтобы повторять одно и то же замечание дважды не пришлось. Он даже не заметил, как Грэхард переправил ему обращение – и даже не задумался, почему, просто решил, что таковы загадочные ньонские обычаи.

Но, в самом деле, абсолютно все – включая даже самого Брайта! наставника и учителя! – обращались к принцу исключительно по титулу и в уважительной форме.

Только сам Дерек постоянно фамильярно ему тыкал и звал через раз по имени – и даже не обращал на это внимания, привыкнув, что так нужно. Потому сам Грэхард его так однажды поправил, и он с тех пор так и стал говорить.

Неизвестно, сколько времени потребовалось бы Дереку, чтобы справиться с потрясением от этого открытия, но их разговор был прерван самим принцем.

Стремительно ворвавшись в комнату – как всегда без стука – он тут же начал с претензий.

– Зачем ты моего ординарца выкрал?! – грозно поинтересовался он у Брайта, не глядя при этом на самого Дерекка.

Совершенно невозмутимый Брайт повернулся к Грэхарду и спокойно ответил:

– Знаете ли, мой принц, люди имеют свойство огорчаться, когда у них вырывают из рук их вещи и ломают их у них на глазах.

Грэхард поперхнулся вдохом; бросил на Дерекка взгляд весьма ошарашенный; потом снова посмотрел на Брайта,

грозно хмуря брови – впрочем, некоторая выступившая у него на щеках краснота говорила, что он не столько разгневан, сколько смущён.

– Ну, знаешь ли!.. – рыкнул он, не закончил претензию, резко развернулся и почти выбежал наружу.

Дерек скукожился на своём стуле, не зная, куда себя деть от смущения. Он полагал, что принц вполне вправе гневаться – ему ведь пришлось самому, лично, разыскивать своего ординарца, который, видите ли, вместо своих прямых обязанностей развлекался дурацким свистом!

Некоторое время в комнате стояла тишина.

– Его высочество, – тихо, словно размышляя вслух, сказал, наконец, Брайт, – имеет все задатки для того, чтобы стать великим человеком. Одного ему не достаёт, – с горечью отметил он, – умения обуздать свой гнев.

Вот с этим постулатом Дерек был полностью согласен: эмоциональный и порывистый Грэхард абсолютно не умел справляться со своим взрывным нравом, от чего постоянно страдали все окружающие его люди.

– Ты уж как-нибудь умудрись не умереть, парень, – неожиданно дружелюбно – что совсем не вязалось с его обычной манерой – попросил Дерек Брайта. – А то, боюсь, при таком раскладе его высочество так озверееет, что поубивает всех вокруг, не разбирая, кто друг, а кто враг.

Дерек покраснел до кончиков ушей; ему всё ещё казалось, что то, что говорит Брайт, не может быть правдой. С чего

бы Грэхарду им дорожить? Он ведь всего лишь ординарец. И даже довольно бестолковый, как смиренно он сам о себе полагал, потому что постоянно сравнивал себя с людьми, которые были значительно старше, опытнее и умнее, чем он.

– Шёл бы ты за ним, – кивнул Брайт на дверь, и Дерек, который был крайне рад закончить столь неловкий разговор, тут же вскочил, поклонился и помчался искать принца.

Быстро выяснив, что тот засел в своих покоях, Дерек устроился в приёмной: там пара стражников играла в шахматы. Сам Дерек играть не умел и правил толком не знал, но наблюдать за игрой – и мечтать, что однажды он тоже научиться! – ему очень нравилось.

В этот раз, правда, долго наблюдать не получилось.

Дверь в покои принца резко распахнулась.

– Дерек! – звучный зов раздался ещё раньше, чем Грэхард выглянул наружу, поэтому Дерек успел вскочить и оказался точь-в-точь на траектории взгляда принца, когда он принялся оглядывать приёмную в поисках необходимого ему лица.

Жестом велел зайти, Грэхард скрылся у себя.

Покои принца Дереку очень нравились: они находились под потолком, и красивые деревянные балки подчёркивали мягкие линии устремлённых вверх сводов, от чего комната казалась более просторной, чем была.

А ещё одна стена в ней сплошь, от края до края, и от пола до балок, была закрыта огромным битком набитым книжным шкафом. Книги были не грэхардовские, а местные, ни-

ийские, и Дерек в них не очень хорошо ориентировался, но ему было ужасно любопытно засунуть в них нос и попытаться хоть что-то понять – что он делал довольно часто.

В этот раз, правда, Дерек даже не взглянул в сторону книг – слишком опасался взбучки. Попытка осторожно оценить настроение Грэхарда на глаз ему не помогла – тот выглядел привычно мрачным и недовольным – так что стоило затаиться и посмотреть, куда ветер дует.

С хмурым видом пройдясь по комнате, Грэхард взял что-то со своего стола и сунул Дереку с коротким:

– На!

Дерек с удивлением взял предложенное – им оказался небольшой нож в кожаном чехле.

– Чтобы всегда теперь с собой носил! – хмуро велел Грэхард и настойчивым тоном добавил: – И с завтрашнего дня начнёшь учиться им пользоваться.

Недоумение Дерек ярко отразилось на его лице: он не понимал ни причин, по которым ему следовало таскать с собой нож, ни того, почему нужно было как-то учиться им пользоваться.

Осознав, что ординарец даже не понял, что ему вручили оружие, и смотрит на нож как на исключительно утилитарный инструмент, Грэхард вполголоса выругался и расшифровал свою позицию:

– И фехтовать тебя научу заодно.

Эта фраза раскрыла Дереку глаза на предназначение по-

дарка, но не уменьшила его недоумение: зачем ему уметь пользоваться оружием? В его обязанности входило чистить мечи Грэхарда и вовремя приносить-уносить их. Уметь фехтовать для этого было вовсе не обязательно!

Обнаружив, что придётся изъясняться предельно прямо – чего он всячески старался избежать – Грэхард тяжело вздохнул.

– Я хочу, – раздражённо пояснил он, – чтобы ты мог за себя постоять в случае опасности.

Дерек удивлённо моргнул. Его единственный и весьма короткий опыт боя – во время того самого пиратского набега – ясно свидетельствовал, что постоять за себя он, совершенно точно, не сможет. Какой из него воин! Ни силы, ни стати, ни реакции!

Но возражать господину, который явно загорелся этой идеей, было боязно.

– Я постараюсь, – приглушённо пообещал Дерек, пряча нож в карман.

Грэхард снова тяжело вздохнул и закатил глаза.

Некоторое время стояла неловкая тишина. Грэхард чувствовал себя виноватым за сегодняшнее поведение, но не умел и не хотел извиняться, а Дерек пребывал в недоумении касательно своих перспектив обучения боевым искусствам.

Наконец, он припомнил сегодняшние откровения Брайта, и у него в мыслях сошлись концы с концами: Дерек невольно напомнил Грэхарду о судьбе его прошлого ординарца, и

теперь принц пытается предпринять некоторые шаги, чтобы Дерек этой судьбы не повторил.

Хотя сам Дерек полагал, что безумные идеи Брайта тут совсем не причём, и Грэхард просто не хочет терять обученного человека и искать на его место кого-то нового, ему всё равно сделалось тепло на душе, поскольку это всё же очень напоминало заботу.

Дерек настолько отвык от того, чтобы кто-нибудь о нём заботился, что тут же пообещал себе служить Грэхарду ещё старательнее и усерднее – хотя, казалось бы, дальше уже некуда, – чтобы выразить всю глубину своей признательности.

– Мне господин Брайт рассказал, – решил сообщить он, чтобы показать, что понимает серьёзность ситуации и приложит все усилия, чтобы не последовать за своим предшественником.

Ушедший в свои мрачные мысли Грэхард сперва не понял, про что он; но тоже быстро свёл концы с концами, и недовольно пробурчал:

– Язык бы ему отрезать – да ведь умные мысли порой говорит!

Он был весьма недоволен тем обстоятельством, что Брайт своим рассказом поставил его в неловкое положение, выставив человеком, которому не наплевать на своих ординарцев.

Ему было действительно не наплевать – но он предпочитал иметь прямо противоположную репутацию, которая вы-

ставляла его человеком суровым и не склонном к сентиментальным привязанностям.

Такая репутация, в конце концов, повышала степень безопасности тех людей, к которым он всё-таки начинал испытывать привязанность.

Кого может заинтересовать какой-то там ничтожный ординарец принца? Да никого!

А ординарец, про которого известно, что принц к нему весьма привязан, – это уже весьма и весьма уязвимая фигура, которую всякий захочет использовать, чтобы шантажировать этого самого принца.

Впрочем, Грэхард пессимистично полагал, что привязанность его к Дереку и без того уже весьма заметна, поэтому тот уже угодил в зону риска, и нужно теперь постараться хоть как-то его обезопасить хотя бы от самых банальных угроз.

– Давай договоримся сразу, – мрачно резюмировал он свои мысли, – если на нас вдруг неожиданно нападают, то это моя задача – защитить тебя, а не твоя – пытаться защитить меня.

Позиция эта была столь ошеломительна, что Дерек не сдержал удивления.

– В смысле?! – обалдело уставился он на принца, пытаясь понять, что за бред тот сейчас сказал.

Придавив Дереку взглядом самым мрачным – чтобы тот ни в коем случае не заподозрил его в сентиментальности – Грэхард пояснил:

– Я умелый воин, ты же не умеешь драться совсем. В неожиданном бою ты ничем не сможешь мне помочь, только помешаешь. Поэтому я предлагаю договориться сразу: если что, ты не лезешь под руку и не мешаешь меня защищать тебя.

Дерек открыл и закрыл рот.

Поморгал.

Робко отметил:

– Но это неправильно.

Грэхард недовольно нахмурил брови с видом «вообще-то, правила тут устанавливаю я».

Дерек жалко и жалобно попытался разъяснить свою позицию:

– Но этой мой долг – защитить тебя, даже ценою своей жизни, если иначе не выйдет!

Рыкнув что-то ругательное, Грэхард в два шага подошёл к ординарцу и медленно, тяжело, вкладывая в каждое слово море злости, заявил:

– Я запрещаю тебе защищать меня, и тем более – ценой своей жизни. Ясно?

Дерек осторожно кивнул. Ясно, конечно, не было.

То, что ничего ему не ясно, снова было легко прочитать по его растерянному испуганному взгляду.

Отступив от него на шаг, Грэхард уцепился за переносицу, пытаясь справиться с гневом. Затем тихо и спокойно утвердил:

– Я не хочу, чтобы ты умирал. Это – ясно?

Это было ясно, и очень приятно к тому же, поэтому Дерек совершенно искренне ответил:

– Я правда постараюсь. – И поспешно заверил: – Я тоже совсем не хочу умирать.

Придавив его тяжёлым взглядом, Грэхард утвердил:

– И, поскольку из нас двоих в бою чего-то существенного стою только я, то в случае боя это я буду защищать тебя, а не наоборот.

Это было почти ясно.

– Это ординарцы защищают принцев, – робко возразил Дерек. – Не наоборот.

Грэхард усмехнулся краешком губ:

– Ну, значит, у нас – будет наоборот.

Некоторое время они просто стояли и молча пялились друг на друга.

Грэхард пытался придумать, как соскочить с сентиментальной темы. На его взгляд, за этот короткий разговор он умудрился наговорить больше чувствительной дряни, чем за все предыдущие двадцать лет жизни.

Дерек пытался осознать, что, кажется, он и впрямь стал дорог этому мрачному и грозному принцу с взрывным характером.

Открытие это было волнующим и радостным. Потеряв всех, кого любил сам и кто любил его, Дерек теперь отчаянно нуждался хоть в одном близком человеке, и, обретя в лице

Грэхарда такого человека, был теперь готов ради него на всё.

Стеснительно потрепав себе волосы на макушке, Дерек с улыбкой признался:

– Я тоже не хочу, чтобы ты умирал.

Он вроде бы как высказывал этим протест против позиции «это я буду защищать тебя» – ему тоже хотелось защищать Грэхарда. Пусть он и не умел.

– Сожалею, – хмыкнул, меж тем, тот, и отметил: – Все ньонские принцы всегда плохо кончают, так что это лишь вопрос времени.

Это было истинной правдой: в Ньоне принцы зачастую успевали поубивать друг друга ещё до того момента, как один из них сядет на трон. А если вдруг кто и доживал до этого славного события – то там-то его новый правитель и убивал, пока не поздно.

Грэхард искренне полагал себя смертником по рождению, и давно сжился с этой мыслью и принял её как данность.

– Все там будем, не только ньонские принцы! – беззаботно отмахнулся от этого фаталистичного аргумента Дерек и застенчиво добавил: – Но давай всё-таки попробуем пожить подольше, а?

Грэхард почти улыбнулся. Он впервые увидел этот вопрос с такого ракурса: умереть-то все и так умрём, а фокус-то в том, чтобы всё же пожить подольше!

Оптимизм Дерекса заразил и его, и он повторил тоном, очень похожим на дерековский:

– Я постараюсь, – и протянул ему руку для пожатия.

Дерек со смехом эту руку пожал и резюмировал:

– Ну что ж, значит, будем стараться вместе, мой принц!

– Будем, – улыбнулся Грэхард без всяких «почти».

Так тепло на сердце у него не было, пожалуй, никогда в жизни. Он даже решил внутри себя, что точно постарается пожить подольше – что было для несчастного, которого угораздило родиться ньонским принцем, весьма проблематично. Но, в конце концов, должен же был какой-нибудь принц первым доказать, что вполне может прожить долго и счастливо? Так почему бы не он? Глядишь, братец и оставит его в покое, если поймёт, что на трон Грэхард отнюдь не претендует, и шататься по чужим странам ему куда как интереснее, чем бороться за власть в Ньоне.

Будущее стало казаться Грэхарду куда как более светлым, и в душе его зародилось новое чувство – тёплая и светлая благодарность к парню, который своим лёгким и добрым нравом словно впустил в жизнь мрачного усталого принца лучи весеннего солнца.

Хотелось сделать для этого парня что-то хорошее – тем более, что сердце всё ещё жгло стыдом за сломанную в порыве гнева дудочку, – но выстраивать отношения Грэхард не умел – и учиться не хотел – поэтому пошёл окольными путями, вызвав к себе вечером Брайта и с порога ошарашив его претензией:

– Я не желаю слышать, как Дерек играет на свирели.

Брайт то ли в самом деле не догадался, что этим хотел сказать принц, то ли только сделал вид, потому что ответил с лёгким удивлением:

– Так он и не играет.

Рассердившись, Грэхард с нажимом, ничего не поясняя, а только выделяя тоном каждое слово, повторил:

– Я. Не. Хочу. Слышать. Как. Дерек. Играет. На. Свирели.

С последним словом он пододвинул по столу в сторону Брайта несколько монет.

Раздражённо закатив глаза, Брайт то ли догадался, наконец, то ли сделал вид, что только догадался, и забрал монеты. Потом, глядя куда-то в сторону, невозмутимо отметил:

– Человеку, который не умеет извиняться, сложно будет сохранить чью-то дружбу.

Поморщившись, Грэхард мрачно пообещал:

– Язык отрежу.

Пожав плечами, Брайт вышел, чтобы назавтра осчастливить Дерекка свежескупленной свирелью.

Она была очень красивой, из светлого дерева, любовно сделанной руками мастера, – маленькое произведение искусства для тех, кто умеет ценить музыку.

Дерекку даже сперва не поверилось, что это происходит взаправду, а не привиделось ему в каких-то чрезмерно реалистичных мечтах. Он с благоговением держал свирель на раскрытой ладони и часто моргал, не в силах верить, что она теперь с ним – навсегда.

– Первое, – суровым тоном вернул его на землю Брайт, и, добившись внимания, продолжил: – Я знать не знаю, откуда она у тебя, и никакого отношения к ней не имею.

Дерек зачарованно кивнул.

– Второе, – продолжил Брайт, – его высочество сказал, что не хочет слышать, как ты играешь.

Дерек кивнул снова – чисто машинально.

Потом до него дошёл смысл формулировки – про то, что его высочество сам сказал, а значит, свирель куплена не только с его ведома, но и по его почину, – и он разсиялся самой яркой улыбкой.

Лицо его так светилось в этот момент от счастья, что Брайту стояло больших усилий удержать ответную улыбку при себе.

...когда тем же днём Дерек умчался пробовать, как звучит его новая подруга, он обнаружил восхитительно чистый, залиvistый, торжествующий, наполненный самыми яркими оттенками чувства звук, который так и летел в высоту!

И у него совсем, совсем не получались те тоскливые мотивы, которые хрипло издавала его прежняя дудочка; переливчатая трель, которая первой вышла из-под его пальцев теперь, была чистой и звонкой, и, казалось, как быстрый луч сверкнула она в воздухе, чтобы достигнуть неба и зажечь его своим мягким и радостным мерцанием солнечного звона.

Это была первая чистая нота настоящей и искренней дружбы.